

DOI: 10.15643/libartrus-2020.5.7

**«Наивная» фольклористика как форма проявления
обыденного метаязыкового сознания
(на материале прецедентных текстов российских немцев)**

© О. А. Александров

*Томский государственный университет
Россия, 634050 г. Томск, проспект Ленина 36.*

Email: olegaleksandrov79@gmail.com

Статья выполнена в русле перцептуальной диалектологии, срачивающей методологические основы классической немецкой диалектологии и наивной лингвистики. В фокусе внимания находятся элементы традиционной лингвокультуры российских немцев, которая переживает этап «сдвига» мажоритарными языковыми образованиями. Исследование базируется на фактологической базе, собранной автором работы в ходе полевых практик в местах компактного проживания немцев Томской области. В статье впервые анализируются некоторые свойства «наивной» фольклористики российских немцев, а именно, использованные ими как лингвистическими дилетантами подходы и приемы при составлении песенников. Интуитивные правила отбора и систематизации информации в выполненных самостоятельным образом текстовых коллекциях рассматриваются в предлагаемой работе как имплицитные проявления метаязыкового сознания. Также обобщаются эксплицитные формы метаязыковой рефлексии – комментарии, раскрывающие «чувственное» отношение к тексту. Исследование показывает, что перцептуальный мотив народного собирательства прецедентных текстов носит прежде всего меморативный характер. Собираемые и систематизируемые немцами тексты выполняют на современном этапе развития русско-немецкой культуры больше символическую и идентифицирующую функцию, чем прагматическую. Организационно-формальная сторона собранных образцов народной фольклористики носит «отпечаток» когнитивных шаблонов интерпретации текста. Эти шаблоны определяются статусным ранжированием песенных текстов разных жанров, т.е. необходимостью ориентироваться и различать их. Наиболее высоким ценностным статусом наделены тексты религиозного дискурса и песни коллективного исполнения, наиболее низким – песни сольного исполнения и юмористического дискурса. Рефлексия опрошенных лингвистических неспециалистов распространяется также на способы материального представления образцов устной коллективной культуры – осмысляются преимущества и недостатки записи текста доступными средствами разных языковых вариантов.

Ключевые слова: *немецкая диалектология, перцептуальная диалектология, фольклористика, метаязыковое сознания, текст.*

Введение

В конце прошлого века в профессиональном сообществе зарубежных диалектологов все чаще стали звучать призывы интерпретировать язык не как натуральный феномен, а апеллировать к нему с антропоцентрической позиции, т.е. перейти от «диалектологии диалекта» к «диалектологии говорящего на нем» [21, с. 42]. Одним из ответов на данный призыв стало зарождение за рубежом перцептуальной диалектологии – лингвистического направления, в котором традиционный диалектологический теоретико-методологический аппарат срачивался с подходами и методами «наивной» лингвистики. Предмет, выкристаллизовавшийся в

результате этого сращивания, составляет то, «...что обычные люди думают относительно дистрибуции языковых вариаций в своем языковом сообществе, а также и в других сообществах, как простые люди относятся к диалектам» [18, с. 38]. Таким образом, перцептуальная диалектология расширяет достижения, приобретенные традиционными методами, за счет смещения фокуса исследовательского интереса с самого языка на то, что о нем думает и говорит его носитель. В то же время обсуждаемая дисциплина отвечает консервативной функции науки о диалектах – документации самобытной культуры и уникального образа мировосприятия носителей языковых образований миноритарного статуса.

Интерес к обыденным представлениям о языке нарастает и в отечественном языкознании (см. серию коллективных монографий [11–14]). В качестве ключевого понятия отечественных работ, посвященных обсуждаемой проблематике, выступает *метаязыковое сознание* (далее: МЯС). МЯС находится в подчинительных отношениях с языковым сознанием – «МЯС существует в рамках языкового сознания как его составляющая» [19, с. 45]. Оно выполняет интерпретационную функцию, т.е. направлено на «отражение языка-объекта как элемента действительного мира» [19, с. 45] и обладает аккумулятивными свойствами, т.к. представляет собой «совокупность знаний, представлений, суждений о языке» [19, с. 45].

Современная лингвистика, обращаясь к содержательной, функциональной и организационной сторонам МЯС, апеллирует к достаточно разнородному фактологическому материалу. Так, Н. Д. Голев пишет: «Многоаспектность функционирования метаязыкового сознания предполагает наличие разных параметров обнаружения и описания форм его проявленности, диапазон которых очень широк: от „молчаливой рефлексии“... до теоретической рефлексии профессиональных лингвистов-теоретиков» [2, с. 12]. Е. В. Иванцова выделяет так называемые «скрытые показания МЯС», которые «...не реализуются в виде развернутых суждений о языке, хотя и отражают представления говорящего о нем» [5, с. 254]. Германский исследователь А. Лер пишет о том, что разные средства языка в разной степени реализуют метаязыковую функцию [20, с. 64–72].

Основываясь на сложившемся в лингвистике представлении, что МЯС материализуется в широком спектре речевых форм, представляется актуальным и обоснованным обратиться с позиций данной категории к образцам наивной фольклористики, под которой понимается коллекции текстов коллективной устной народной культуры, составленные не специалистами-исследователями, а самими представителями этой культуры.

Далее в работе впервые анализируются использованные российскими немцами подходы и приемы к организации составленными ими текстовых коллекций. Интуитивные правила отбора и представления систематизируемой текстовой информации рассматриваются в предлагаемой работе как имплицитные проявления МЯС, анализ которых позволяет обнаружить важные свойства обыденных представлений об особенностях текстового уровня языка.

Следует отметить, что диалектологи немецкого языка регулярно обращаются к текстовой культуре российских немцев, обнаруживая те или иные ее свойства. Так, анализируется юмористический [4, 15], песенный [8, 16, 17] газетный [9]; кулинарный [3, 6, 7] и другие дискурсы российских немцев. Однако текстовые коллекции, составленные немцами собственноручно, анализируются впервые.

Материал и методы

Фактологическая база предлагаемой работы является одним из результатов комплексного исследования языка и культуры российских немцев, которая проводится автором надлежащей

статьи на территории Томской области. Полевые работы осуществлялись в г. Томске, а также в ряде сельских районов региона в течение последних 5 лет. Помимо сбора прочих полевых данных, в ходе работ были обнаружены сборники прецедентных текстов. Речь идет о памятниках рукописной российско-немецкой культуры – тетрадях с записанными в них от руки немецкоязычными фольклорными и религиозными текстами. Большинство тетрадей содержат только песни (7 тетрадей), также встретились и тетради (2 шт.) с записями произведений малых народных жанров (частушки, шванки, паремии). Далее в работе анализируются только песенные коллекции. Авторами данных текстовых сборников выступают по большей части немцы, владеющие немецкими диалектами. Немецкие диалекты являются исконными языковыми формами российско-немецкой культуры, которые прибыли в Россию вместе с первыми немецкими колонистами более 250 лет назад. Они отличаются от аналогичных территориальных форм немецкого языка и находятся под угрозой полного исчезновения.

Далее в работе анализируются способы и приемы составления данных текстов, а также высказывания российских немцев о причинах составления этих сборников, связанных с ними эмоциональными переживаниями, их функции в повседневной жизни и т.д.

Результаты исследования

В среде российских немцев Томской области очевиден непрофессиональный интерес к родному языку. Так, на базе центров немецкой культуры периодически выполняются отдельные языковедческие проекты, которые преследуют скорее не научные, а образовательно-воспитательные задачи. Некоторые жители региона немецкой национальности являются постоянными участниками любительских Интернет-форумов, затрагивающими вопросы немецкой диалектологии. Однако особую ценность для специального научного рассмотрения представляют обнаруженные в ходе полевых работ сборники прецедентных текстов, которые российские немцы хранят у себя дома.

В ходе проведенных интервью, выяснилось, что составителями песенных коллекций двигали прежде всего прагматические цели: они служили или служат «шпаргалкой» при песнопении, которое является неотъемлемой частью этнической культуры российских немцев. Однако сами авторы песенных сборников объясняют мотивы создания песенников не только утилитарными соображениями. По их собственному признанию, эти тетради изготавливались, чтобы не забыть песни своего народа и иметь возможность продемонстрировать их своим детям. Данные тексты напоминают им о родителях, о прожитой жизни, обращение к ним дает возможность почувствовать себя моложе, эмоционально и когнитивно вернуться в прошлое. Таким образом, в самодельных песенниках российских немцев происходит, говоря словами О. Р. Николаева, «мемориализация» песни – это значит «записать песню, чтобы не забыть момент жизни» [10, с. 3].

Примечательно, что на момент реализации экспедиций в некоторых немецких семьях эти сборники по разным причинам уже не использовались по прямому назначению, т.е. в качестве визуальной опоры при песнопении. Тем не менее, данные текстовые коллекции бережно хранятся, т.к. они представляют собой семейные реликты, выполняющие меморативную и символическую функции – само обращение к ним, по словам немцев, вызывает воспоминания и эмоции, в которых личное переплетается с коллективным, т.е. общим для всего российско-немецкого субэтноса. Так, об этом говорят сами немцы: «*Ich kann des net schmeisse! Ja, ich sing net meh, aver ma Mudder hot die Liedje geschrieve. Wann ich ja des nehm in die Händ, besinn*

ich, wie unser родители wore jung und sang (вдыхает). Гости приходили и все за столом пели! Die sin Liedje iver uns, iver Deitsche in Russland, wie mir hun gelevt frieher, wie mir in Russland worre kotte». Перевод: «Я не могу это выбросить! Да, я не пою больше, но моя мама эти песни записала. Когда я беру тетрадь в руки, вспоминаю, как наши родители были молодыми и пели (вдыхает). Гости приходили и все за столом пели! Это песни о нас о немцах в России, как мы раньше жили, как мы прибыли в Россию».

Также обращает на себя внимание тот факт, что среди авторов данных сборников немало немцев, владеющих родным языком в пассивной форме. Это объясняется объективными и субъективными причинами. К объективным следует отнести то, что немцы с невысоким уровнем языковой компетенции в ситуациях коллективного пения больше, чем активно говорящие, нуждаются в визуальной опоре в виде записанного текста песни. Во-вторых, среди немцев с данным уровнем владения диалектами больше грамотных, т.е. способных письменно зафиксировать немецкий текст на бумаге. А субъективная причина состоит в том, что пассивно говорящие на диалекте зачастую больше, чем активно говорящие, проявляют интерес к собственным этнокультурным фактам. Для первых они представляют что-то само собой разумеющееся, для вторых – более подверженных лингвокультурному сдвигу – подобные факты выступают средствами национальной самоидентификации и в то же время экзотизмами, архаизмами, полузабытыми образами из детства, которые вызывают любопытство и стремление пережить их заново. Для пассивно говорящих на диалектах в большей степени, чем для активно говорящих, знать этнокультурные песни, иметь их под рукой, означает быть немцем, или, по крайней мере, почувствовать себя им в момент их исполнения.

Примечательно, что песни редко ассоциируются у немцев с родным языком, с живым повседневным использованием диалекта. Можно говорить, что в МЯС информантов язык песенного дискурса и язык бытового общения подвергаются сегрегации и не являются напрямую соотносимыми сущностями. Песни скорее воспринимаются как самостоятельные яркие репрезентанты российско-немецкой культуры, т.к. зачастую вызывают ассоциативные ряды, включающие обозначения не языковых феноменов, а этноспецифических артефактов. Например, один из информантов сказал о его записанном от руки сборнике песен следующее: *«Ich kann des net schmeise. Конечно, нет! No geb dos nit ob! Guck mol! Hei is Biwel, die Elder hun die vun Wolga gebrocht... und Liedje. Die ware all sell ufgeschrieve».* Перевод: *«Я не могу это выбросить. Конечно, нет! И отдать! Глянь! Здесь Библия, которую родители привезли с Волги... и песни. Они сами все записали».*

Отчасти такие шаблоны интерпретации языковой действительности определены тем, что средством бытования песенного дискурса выступают наддиалектные образования. Они не идентичны в системно-структурном отношении родным формам немецкого языка информантов, т.е. тем формам, которые функционируют на уровне индивидов в бытовом общении. На этот факт, в частности, указывают профессиональные исследователи российско-немецкого песенного фольклора: «...поселенцы не могли петь вместе ни на улице, ни в церкви. Но постепенно складывался общий язык на основе диалекта „волжан“, группы родственников, друзей и соседей» [1, с. 51].

В собранных тетрадях представлен достаточно широкий корпус текстов, репрезентирующих разные жанры, – это лирические, игровые, свадебные, духовные песни и баллады. В целом преобладают тексты коллективного исполнения. Более низкая доля песен, предназначенных для сольного воспроизведения (как, например, шуточные песни для детей, колыбельные),

говорит о том, что они воспринимаются авторами коллекций как менее значимые и релевантные для того, чтобы быть зафиксированными на бумаге. Эти наблюдения подтверждаются и контекстом явных форм проявления МЯС информантов. Согласно им, песни коллективного жанра обладают более существенной прецедентной основой – групповое исполнение, по мнению немцев, предполагает инвариантность, ориентацию на общепринятый стандарт, разделяемый всеми членами коллектива, поэтому они больше, чем песни сольного жанра, требуют документизации: «*„Der heilige Christ“ (название песни) oder „Heimad“ (название песни) mir singe gweinlich zusamme. No all sammle mir uns und sing und des... fir Kindje das Schlaflied, me sing eloin... ich broch net mol ufschreive, die mir singe zsamme*». Перевод: «*„Святой Христос“ (название песни) или „Родина“ (название песни) мы поем обычно вместе. Ну, все собираемся и поем, а это... для детей колыбельная, мы поем по одному... мне не нужно записывать песни, которые мы вместе поем*».

Зафиксированные в тетрадах тексты не сортированы по жанрам – они идут вперемешку. Только в некоторых случаях сепарированными оказались духовные песни, занимающие либо отдельную тетрадь, либо отдельное место в тетрадах-сборниках. Хотя опрошенные немцы поют (или пеют) религиозные песни не только на собраниях общин, но и дома в исключительно бытовой обстановке, эти тексты зачастую осмысляются ими как атрибуты институционального дискурса, т.е. как элементы формализованной сферы общения, и потому обладающие более высоким статусом по сравнению с репрезентантами других разновидностей русско-немецкого фольклора. На наличие у информантов подобных шаблонов восприятия указывают не только неявные проявления МЯС в виде сепарированного размещения духовных песен в тетрадах-песенниках, но и непосредственно метаязыковые комментарии, собранные в ходе полевых работ: «*No, расневку odr Spasslidje du singst net in de Kerch, правильно? Des is nemmer gut, wann man in de Kerch Spässje macht und Gott net besinn. Aver Gebetlidije sinn fir Gott, это разные вещи, ich denk*». Перевод: «*Ну, распевки или шуточные песни ты не будешь петь в церкви, правильно? Это не всегда хорошо, если шутят в церкви и не думают о Боге. А молитвенные песни для Бога, это разные вещи, я думаю*».

В тетрадах-песенниках также не наблюдается структурирования текстового контента по культурным, историческим или географическим признакам: нет разделения между песнями общенемецкого фольклора, произведениями, сочиненными первопоселенцами уже на новой родине, или песнями, заимствованными из русскоязычной песенной культуры. Отсутствие сегрегации в корпусе текстов между песнями немецком и русском языках свидетельствует о том, что русскоязычный песенный дискурс прочно вошел в фольклорную культуру российских немцев.

При этом анализ тетрадей-песенников показывает, что не смешиваются тексты, зафиксированные в институциональных условиях, например, на собраниях в центрах встреч российских немцев, и произведения, записанные дома в кругу семьи. Кроме того, им свойственно разное оформление. Первые, как правило, заимствованы из официальных источников и потому записаны на немецком литературном языке. Они также иногда содержат пометы, информирующие о тональности произведения и имени его первоначального автора.

Вторые, записанные по памяти, не снабжены подобной информацией и язык их графического оформления более вариативен. Так, часть данных текстов также представлена на немецком литературном языке, хотя в действительности многие из них поются с диалектным окрасом. Другая часть текстов отражает попытки составителей тетрадей передать на письме

реальную звуковую форму диалектно окрашенной речи. Эти попытки реализованы 2-мя способами. В первом случае тексты задокументированы при помощи латинского алфавита и звукобуквенных соответствий немецкого литературного языка (см. рис. 1). Во втором случае автор песенника прибег к использованию кириллицы (см. рис. 2).

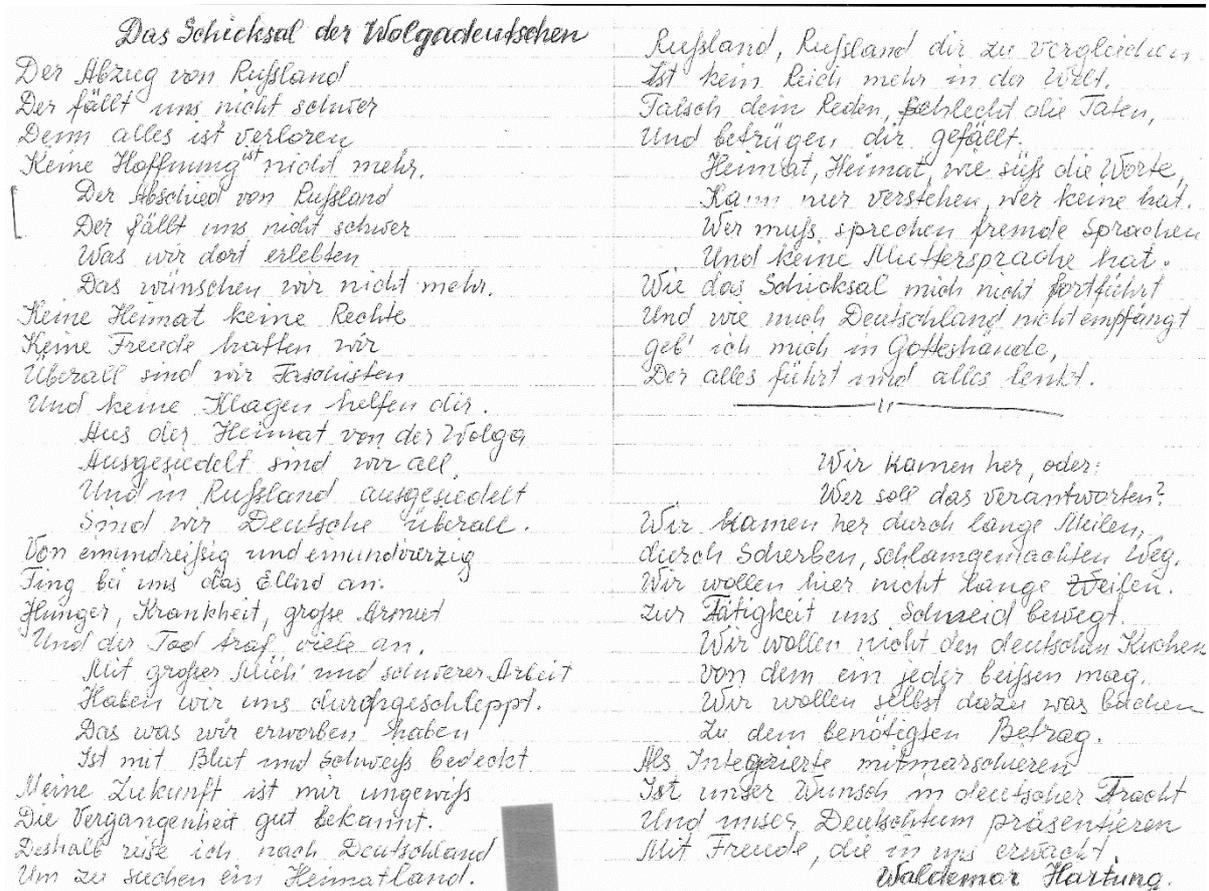

Рис. 1.

Следует отметить, что применение кириллицы и фонетической системы русского языка мотивировано не только тем, что некоторые из авторов песенников не владеют навыками письма на немецком языке, но и тем, что русский язык рассматривается ими как достаточно «тонкий» инструмент, способный графически наиболее полно и достоверно отразить звуковую специфику немецкой речи, которая не соответствует литературному стандарту. На это указывают сами информанты: «Uf Deitsch ich kann ja schreiv, kann ich, aver ich waas net, uf Russisch is leichter, проще и все! Anfacher die russische Werter schreiwe. Des geht mol mit Russisch schärfer». Перевод: «На немецком я могу писать, могу, но я не знаю, на русском легче, проще и все! Проще писать русские слова. На русском получается быстрее».

Выводы

Таким образом, текст как уровень языка находит отражение в обыденном МЯС и сформированные представления о тексте получают в речевой деятельности разнообразные формы материальной реализации: ими могут быть как развернутые высказывания о текстовых сущностях, так и структуры представления текстовой информации, использованные «народными»

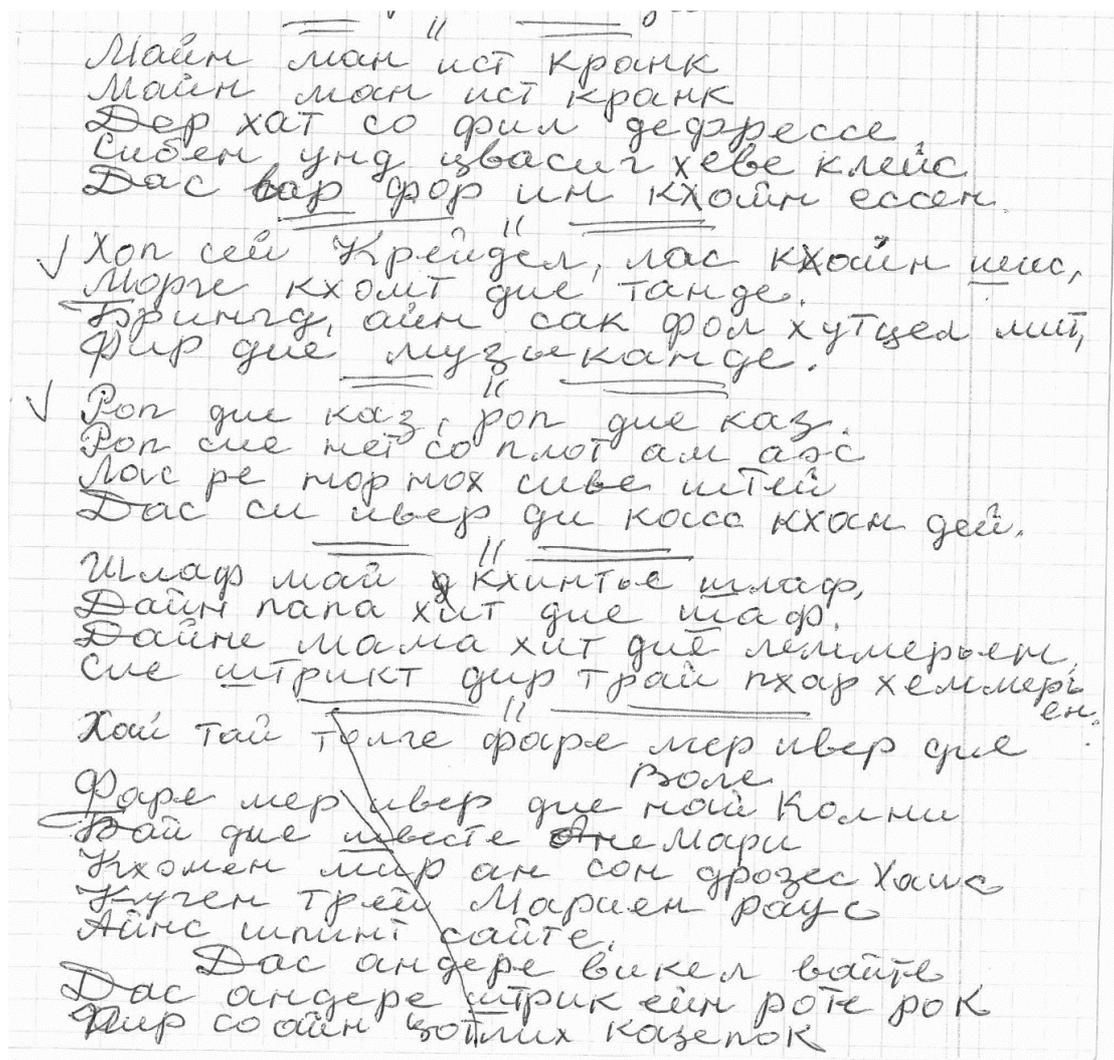

Рис. 2.

фольклористами. Реализованное исследование демонстрирует, что как в имплицитных, так и в эксплицитных формах проявления МЯС отражается широкий спектр когнитивных шаблонов интерпретации текста и его свойств. Эти шаблоны «закрепляют» ценностное ранжирование текстовых жанров, позволяют ориентироваться в них, несут отпечаток салиентных для языкового неспециалиста коммуникативно-прагматических функций единиц обсуждаемого уровня языка.

В культуре российских немцев обнаруживается перцептуальная иерархия текстов песенного жанра. Так, более высокий ценностный статус занимают тексты религиозного дискурса и песни, предполагающие коллективную манеру исполнения. Более низким статусом наделяются песни сольного исполнения. Рефлексия российских немцев распространяется и на способы реализации образцов их устной коллективной культуры на письме – осмысляются преимущества и недостатки записи текста немецким языком или звукобуквенными соответствиями русского язык. Образцы народного песенного дискурса несут в коллективном сознании обсуждаемого субэтноса символическую функцию, выступают важным элементом этнокультурной идентификации. Помимо прагматической цели «чувственная» цель непосредственной документации песенного творчества состоит в фиксации прожитой жизни, в формировании материальных средств напоминания о ней последующим поколениям.

Литература

1. Виндгольц И. П. *Немцы России. Песни. Музыка. Обряд.* = *Russlanddeutsche: Lied. Musik. Brauch.* Саратов: Новый ветер 2011. 378 с.
2. Голев Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание как онтологический и гносеологический феномен (к поискам лингвогносеологем) // *Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты* / Отв. ред. Н. Д. Голев. Барнаул: Алт. ун-т, **2009**. Ч. I. С. 7–40.
3. Гроцкая Н. Н., Корбмахер Т. В. Аудитивный анализ текстов кулинарных рецептов российских немцев // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*. **2019**. Т. 16 №4. С. 45–49.
4. Десятникова И. В. Структурно-композиционные и диалектные особенности шванка российских немцев: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, **2007**. 19 с.
5. Иванцова Е. В. *Феномен диалектной языковой личности*. Томск: Изд-во Том. ун-та, **2002**. 312 с.
6. Корбмахер Т. В. Классификация наименований блюд в аспекте лингвокультуры российских немцев // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. **2019**. С. 102–106.
7. Либерт Е. А. Wot wi ete: отражение истории меннонитов в кулинарной лексике // *Языки фольклор коренных народов Сибири*. **2017**. №3(34). С. 57–63.
8. Меркурьева В. Б., Каскевич Н. Л. Языковые особенности макаронической песни российских немцев // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. **2017**. Вып. 1(12).
9. Небайкина (Милютин) А. В. Заимствования и переключение кода как пути реализации языкового контакта в текстах газеты «Der Kolonist» 1917–18 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, **2004**. 20 с.
10. Николаев О. Р. Наивная фольклористика: типы, формы, функции // *Живая старина. Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре*. **2010**. №1(65). С. 2–5.
11. *Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Коллективная монография* / Отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово; Барнаул: Алт. ун-т, **2009**. Ч. I. 532 с.
12. *Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Коллективная монография* / Отв. ред. Н. Д. Голев. Томск: Том. гос. пед. ун-т, **2009**. Ч. II. 457 с.
13. *Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты* / Отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово: Кем. гос. ун-т, **2010**. Ч. III. 459 с.
14. *Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты* / Отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово: Кем. гос. ун-т, **2011**. Ч. IV. 481 с.
15. Поддубная Н. Н. Специфика реализации категории модальности в комическом тексте (на примере шванка российских немцев) // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. **2015**. №2(34). С. 45–52.
16. Пузейкина Л. Н. «Heut wird im Dorfe Hochzeit sein...» – мотив свадьбы в песнях немецких колонистов под Петербургом // *Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев*. **2016**. №2. С. 204–221.
17. Пузейкина Л. Н. Особенности синтаксиса ранних лютеранских гимнов // *Международная конференция, посвященная 110-летию со дня рождения Владимира Григорьевича Адмони: Сборник тезисов*. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, **2019**. С. 90–91.
18. Радченко О. А., Закуткина Н. А. Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен // *Вопросы языкознания*. **2004**. №6. С. 25–48.
19. Ростова А. Н. *Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири)*. Томск: Изд-во Том. ун-та, **2000**. 193 с.
20. Lehr A. *Sprachbezogenes Wissen in der Lebenswelt des Alltags*. Tübingen: Niemeyer Verlag, **2002**. 473 S.
21. Löffler H. Zu den Wurzeln der Perceptual Dialectology in der traditionellen Dialektologie. Eine Spurensuche // Anders C. A., Hundt M., Lasch A. *Perceptual Dialectology. Neue Wege der Dialektologie*. Berlin: de Gruyter, **2010**. S. 31–49.

Поступила в редакцию 24.09.2020 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2020.5.7

**“Naive” folklore studies as a form of manifestation
of ordinary metalanguage consciousness
(based on the precedent texts of the Russian Germans)**

© O. A. Aleksandrov

*Tomsk State University
36 Lenin Street, 634050 Tomsk, Russia.*

Email: olegaleksandrov79@gmail.com

The article is written in the mainstream of perceptual dialectology, which merges the methodological foundations of classical German dialectology and naive linguistics. The focus of attention is on the elements of the traditional linguoculture of the Russian Germans, which is going through a “shift” by majoritarian language formations. The study is based on the factual base collected by the author of the article in the course of field practices in places of compact residence of the Germans in Tomsk region. For the first time, in the article some properties of the “naive” folklore of the Russian Germans are analyzed, namely, the approaches and techniques used by them as linguistic amateurs in composing songbooks. Intuitive rules for the selection and systematization of information in self-made text collections are considered in this work as implicit manifestations of metalanguage consciousness. Explicit forms of metalinguistic reflection are also generalized – comments that reveal a “sensual” attitude to the text. The study shows that the perceptual motive of folk collecting precedent texts is primarily of a memorial nature. The texts collected and systematized by the Germans perform at the present stage of the development of Russian-German culture more of a symbolic and identifying function than a pragmatic one. The organizational and formal side of the collected samples of folklore studies bears the “imprint” of the cognitive patterns of text interpretation. These patterns are determined by the status ranking of song texts of different genres, i.e. the need to navigate and distinguish between them. The highest value status is attributed to the texts of religious discourse and songs of collective performance, the lowest – songs of solo performance and humorous discourse. Reflection of the interviewed linguistic nonspecialists also extends to the methods of material presentation of samples of oral collective culture – the advantages and disadvantages of writing a text using available means of different linguistic variants are comprehended.

Keywords: German dialectology, perceptual dialectology, folklore studies, metalinguistic consciousness, text.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Aleksandrov O. A. “Naive” folklore studies as a form of manifestation of ordinary metalanguage consciousness (based on the precedent texts of the Russian Germans) // *Liberal Arts in Russia*. 2020. Vol. 9. No. 5. Pp. 342–351.

References

1. Windholz I. P. Nemtsy Rossii. Pesni. Muzyka. Obryad. = Russlanddeutsche: Lied. Musik. Brauch [Germans of Russia. Songs. Music. Custom]. Saratov: Novyi veter 2011.
2. Golev N. D. *Obydennoe metazykovoie soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty*. Ed. N. D. Golev. Bar-naul: Alt. un-t, 2009. Ch. I. Pp. 7–40.
3. Grotskaya N. N., Korbmakher T. V. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. 2019. Vol. 16 No. 4. Pp. 45–49.

4. Desyatnikova I. V. Strukturno-kompozitsionnye i dialektnye osobennosti shvanka rossiiskikh nemtsev: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Barnaul, **2007**.
5. Ivantsova E. V. *Fenomen dialektnoi yazykovoi lichnosti [The phenomenon of dialectal linguistic personality]*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, **2002**.
6. Korbmakher T. V. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. **2019**. Pp. 102–106.
7. Libert E. A. *Yazyki fol'klor korennykh narodov Sibiri*. **2017**. No. 3(34). Pp. 57–63.
8. Merkur'eva V. B., Kaskevich N. L. *Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk*. **2017**. No. 1(12).
9. Nebaikina (Milyutina) A. V. Zaimstvovaniya i pereklyuchenie koda kak puti realizatsii yazykovogo kontakta v tekstakh gazety «Der Kolonist» 1917–18 gg.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, **2004**.
10. Nikolaev O. R. *Zhivaya starina. Zhurnal o russkom fol'klоре i traditsionnoi kul'ture*. **2010**. No. 1(65). Pp. 2–5.
11. *Obydennoe metayazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty. Kollektivnaya monografiya [Ordinary metalanguage consciousness: ontological and epistemological aspects. Collective monograph]*. Ed. N. D. Golev. Kemerovo; Barnaul: Alt. un-t, **2009**. Ch. I.
12. *Obydennoe metayazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty. Kollektivnaya monografiya [Ordinary metalanguage consciousness: ontological and epistemological aspects. Collective monograph]*. Ed. N. D. Golev. Tomsk: Tom. gos. ped. un-t, **2009**. Ch. II.
13. *Obydennoe metayazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty [Ordinary metalanguage consciousness: ontological and epistemological aspects]*. Ed. N. D. Golev. Kemerovo: Kem. gos. un-t, **2010**. Ch. III.
14. *Obydennoe metayazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty [Ordinary metalanguage consciousness: ontological and epistemological aspects]*. Ed. N. D. Golev. Kemerovo: Kem. gos. un-t, **2011**. Ch. IV.
15. Poddubnaya N. N. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. **2015**. No. 2(34). Pp. 45–52.
16. Puzeikina L. N. *Ezhegodnik Mezhdunarodnoi assotsiatsii issledovatelei istorii i kul'tury rossiiskikh nemtsev*. **2016**. No. 2. Pp. 204–221.
17. Puzeikina L. N. *Mezhdunarodnaya konferentsiya, posvyashchennaya 110-letiyu so dnya rozhdeniya Vladimira Grigor'evicha Admoni: Sbornik tezisov*. Saint Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterb. un-ta, **2019**. Pp. 90–91.
18. Radchenko O. A., Zakutkina N. A. *Voprosy yazykoznaniiya*. **2004**. No. 6. Pp. 25–48.
19. Rostova A. N. *Metatekst kak forma eksplikatsii metayazykovogo soznaniya (na materiale russkikh govorov Sibiri) [Metatext as a form of explication of metalinguistic consciousness (based on the Russian dialects of Siberia)]*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, **2000**.
20. Lehr A. *Sprachbezogenes Wissen in der Lebenswelt des Alltags*. Tübingen: Niemeyer Verlag, **2002**.
21. Löffler H. Anders C. A., Hundt M., Lasch A. *Peceptual Dialectology. Neue Wege der Dialektologie*. Berlin: de Gruyter, **2010**. Pp. 31–49.

Received 24.09.2020.